

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

УДК 1:316
ББК 60.027

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРА, ТЕХНОЛОГИИ

А.Л. Стризов

В статье обосновывается роль социокультурного подхода как опосредующего звена в процессе трансформации социально-философских концепций и социальных теорий в социальные проекты и технологии. В ней представлена многоуровневая модель культуры, которая может быть использована и как модель социальной интеграции, и при анализе практически-политических проблем современного российского общества.

Ключевые слова: социокультурный подход, культура, интеграция, общество, социальная философия, методология, рациональность, социальные практики, идентичность, модернизация.

Мысль о том, что современная социальная философия призвана осмыслить жизнь общества в единстве ее проявлений, представить картину социальной реальности как органической целостности, признана большинством философского сообщества. В контексте решения этих задач возникает вопрос о достигнутой мере социальной интеграции, возможностях ее повышения, механизмах, формирующих и поддерживающих в обществе социальную солидарность, кооперацию, единство действий. Особо значимым представляется ответ на него для современного российского общества, столкнувшегося с реальной угрозой социальной дезинтеграции, с вызовом не только внешних угроз, но и внутренних деструктивных тенденций монопольно-олигархического и кри-

минально-террористического характера, бросающих открытый вызов цивилизованным формам общежития. Такой ответ с неизбежностью предполагает переход от критически ориентированной социально-философской метафизики, разработки теоретических моделей социальных структур и возможных сценариев их развития к обсуждению актуальной повестки дня, формулированию позитивных программ и стратегий, социальному проектированию и технологическому конструированию.

Социальная философия в такой ситуации приобретает практическую направленность, сталкивается с необходимостью переопределить характер своего взаимодействия с конкретными науками об обществе, дополнить традиционно выполнявшуюся ею по отношению к ним методологическую функцию новыми направлениями и формами взаимосвязи и взаимовлияния. Поворот к социальной практике уже обозначился в виде новых векторов философской рефлексии, связанных с мето-

логией социального проектирования, принятия социально ориентированных решений, комплексной социально-гуманитарной экспертизой программ реформирования и модернизации. Однако, как представляется, все эти усилия не принесут должной отдачи без предварительной «внутрифилософской» подготовки: без интеллектуальных усилий, приближающих традиционный, метафизически фундированный социально-философский дискурс – как сциентистского, так и антисциентистского (аксиологического) характера – к проблемному полю, языку и логике мышления прикладного социального знания.

Речь идет о необходимом особом опосредующем звене в построении дискурса современной, практически ориентированной социальной философии. Традиционный для нашего философского сообщества подход, не без оснований апеллирующий к тенденциям развития неклассической философии XIX–XX вв., не видит такой необходимости: позитивизм с его идеей социальной инженерии, социальная феноменология с ее вниманием к социальным практикам повседневности, аксиологически центрированная философская антропология, кажется, уже сами по себе решают все задачи «заземления» витающего в метафизических высотах философского знания. Причем решают, сугубо или преимущественно, философскими средствами. Не отрицая познавательных возможностей и позитивных перспектив развития указанных вариантов практического философствования, укажем на одно, общее для всех них ограничение: частные, локальные, специфические проблемы они решают, как правило, в отрыве от общего социального контекста, абстрагируясь от макросоциальных условий, состояния социокультурной среды. Неизбежным следствием этого является возникновение ситуаций, когда, говоря словами одного из классиков, мы вынуждены наткнуться на эти общие вопросы в каждом конкретном случае, обрекая себя на путаницу в теории и худшие шатания в политике и управлении. Вот почему нам представляется важной идея системной, холистской «достройки» практически ориентированного дискурса социальной философии.

Говоря о «достройке», мы исходим из того, что «строительный материал» для это-

го уже в основном создан, и речь может идти лишь о качественном совершенствовании его свойств и новых возможностях применения. В этой роли особого опосредующего звена, соединяющего традиционную социальную философию и социальную теорию высокой степени абстракции с конкретными социально-гуманитарными науками и прикладным знанием об обществе, выступают, как нам представляется, частные философские теории (философия права, политики, хозяйства, управления и т. п.) и социокультурный подход к обществу. Акцентировать внимание на этих предметных областях философского знания важно, во-первых, потому что уровень развития и статус частных философских теорий в современной российской социальной философии не соответствует тем познавательным и практическим задачам, с которыми сталкивается наше общество в этих сферах деятельности. Во-вторых, несмотря на существенный вклад, который внесли современные российские философы в разработку социокультурного подхода, он пока не сложился в целостный методологический комплекс, а его содержание по-прежнему остается предметом дискуссий. Концептуальная «сырость» социокультурного подхода на уровне философской рефлексии ведет к тому, что представители конкретных наук, декларируя «культурологический поворот» в методологии, по-прежнему понимают его поверхностно, фактически не покидают в своем анализе позитивистской «системы координат», превращая антропологический подход к праву или экономике в набор абстрактных фраз или морализаторских деклараций.

Если говорить о содержании самой «достройки», то в онтологическом плане среди особо значимых задач для «практического поворота» социальной философии следует назвать раскрытие механизма и форм превращения социальной реальности в правовую, политическую, экономическую реальность; обнаружение инварианта социальной системности в функционировании и развитии системных образований в отдельных сферах жизни общества; демонстрации того, как именно «вплетается» человек в специфическую по фактуре, цветовой гамме и декору ткань правовой или экономической жизни. Но если частные философские теории, концент-

рируясь на отдельных локусах социального бытия, приближая нас к конкретным формам практической деятельности, независимо от своих интенций фрагментируют реальность, создавая картину разнородного, мозаичного социума, то социокультурный подход позволяет «собрать» социальное целое, «воссоздать» его на ином уровне, отличном от уровня традиционной социальной онтологии, дать его панорамное интегративное видение. Рассмотрению этих вопросов и будет посвящена настоящая статья.

Логика нашей позиции состоит в том, чтобы выявить механизм реализации интегрирующей функции культуры, а затем показать возможности использования философской модели данной функции как методологического средства при анализе отдельных проблем, возникающих в конкретных науках об обществе. При этом мы исходим из того, что социокультурный подход и создаваемые в русле его модели фиксируют ряд всеобщих моментов деятельности, без которых невозможны как социальное проектирование, так и конструирование конкретных социальных технологий, представляющих завершающий этап «практического поворота» социальной философии.

Во-первых, социокультурный подход отражает социальную реальность с учетом неразрывного единства в ней рационального и иррационального, что позволяет обеспечить широкое видение мотивов, целей и ценностных ориентиров деятельности, избегающее схоластики и схематизма. Во-вторых, социальная реальность интерпретируется социокультурным подходом и как искусственно созданный результат, и как процесс искусственного (творческого, основанного на опыте отбора и селекции) конструирования, что предполагает формирование как идеократических, так и прагматических установок в создании и выборе технологий. В-третьих, в центре социокультурного анализа – опривыченное массовидное поведение, выраженное в стереотипах и традициях, вне контекста которых вряд ли возможно говорить об успешных и глубоких социальных изменениях, в том числе и инновационного характера. В качестве предметной области, к специфике которой мы будем адаптировать социокультурный подход, мы выбираем политическую сферу жизни об-

щества, поскольку именно с политической и управленческой деятельностью общественность связывает реализацию надежд на консолидацию интересов, системную интеграцию общества.

К концу XX столетия в трактовке политической культуры складываются два основных направления: одно ограничивает этот феномен *когнитивной* сферой (тяготее к отождествлению культуры с политическим сознанием), другое же, наряду с образцами политического сознания, включает в него и образцы политического поведения людей. В последнем случае в структуре политической культуры выделяются два основополагающих компонента: 1) когнитивный – установки, ценности, ориентации и т. д.; 2) деятельностный – модели (образцы) поведения, официальные и теневые практики. Из всего спектра отечественных исследований политической культуры описанию ее интегративного потенциала посвящено всего несколько трудов: здесь мы рассмотрим работы К.Ф. Завершинского и Н.И. Бирюкова, В.М. Сергеева [1–4]. Неудивительно, что проблема политико-культурной интеграции пока далека от своей концептуальной разработки.

Интеграция политической жизни осуществляется, по логике рассуждения К.Ф. Завершинского, через разнообразные практики легитимации, основанные на субъективном признании участниками политических акций общего смысла политического процесса безотносительно от своих статусных и ролевых предпочтений. Многообразные легитимационные практики позволяют объединить жизненное пространство индивидов с институциональным политическим порядком, придавая ему субъективную значимость. Для политической культуры смысловое пространство концепта легитимности выступает своего рода «семантической решеткой» [4, с. 123]. Символические (медийные) коды, как и иные коды деятельности, являются средствами легитимации и составляют основание культурной интеграции в любом социальном пространстве. Этот взгляд согласуется с мыслью М. Фуко о том, что культурные коды управляют культурными артефактами, обеспечивая социальный порядок в процессе сложной динамики официальных и практических регуляторов повседневного по-

ведения. Однако, указав на природу социокультурной интеграции политической жизни общества, К.Ф. Завершинский оставляет без внимания ее механизм.

По мнению Н.И. Бирюкова и В.М. Сергеева, политическая культура интегрирует общество, поскольку представляет собой «совокупность базисных знаний о социальной жизни, которые разделяются достаточно большой частью общества и предопределяют понимание конкретных политических ситуаций и поведение в них» [1, с. 61]. Эти знания разделены авторами на три основные группы: социальную онтологию, политические ценности и операциональный политический опыт. Социальная онтология – система категорий, которая «задает» базисные представления о структуре и свойствах социальной реальности, идентифицирует («называет») и типологизирует социальные ситуации. Ценности позволяют субъектам распределять ситуации по шкале «приемлемости» [там же], и, как отмечают авторы, они подвижны, значительно больше открыты для рефлексии и постоянно функционируют в дискурсе. Операциональный опыт – наиболее вариативный элемент политической культуры – представляет собой «совокупность приемов, используемых для решения типичных проблем. Это набор стереотипных сценариев поведения для стандартных ситуаций» [там же]. Все эти составляющие тесно связаны между собой и образуют три уровня интеграции.

Интеграция, осуществляемая на уровне социальной онтологии, по логике авторов, наиболее подходит для стабильных обществ, где и проявляется ее эффективность. В процессе модернизации необходимость в постоянных структурных изменениях разрушает способность социальной онтологии выступать в качестве интегрирующего фактора. В этом случае система ценностей поддерживает на когнитивном уровне достаточно дифференцированную, но в целом единую (целостную) картину мира, интегрируя действия людей с принципиально различным, даже несовместимым операциональным опытом. В обществе, где невозможна интеграция в рамках социальной онтологии и на уровне ценностей, она может быть осуществима на основе операционального опыта: «На практике это

означает учреждение (или отбор) политических институтов, процедуры формирования и функционирования которых, собственно, и становятся предметом ценностного консенсуса, обеспечивающего интеграцию общества» [1, с. 71]. Как видим, данная модель интегрирующей функции политической культуры, выявляя разные механизмы и возможности интеграции, богаче предыдущей по содержанию. Однако трудно согласиться с тем, что процедуры идентификации и типологизации, а также наличие единой картины мира играют в процессе интеграции решающую роль. Эти компоненты мировоззрения напрямую не связаны с социокультурной интеграцией. Остается также открытым вопрос: возможно ли управлять интегративными процессами, и как это реализуется на практике?

Ответ на обозначенные нами вопросы можно найти у Ю.С. Пивоварова, который в своей концепции представляет культуру, в том числе и политическую, в качестве доминирующей традиции. Согласно этой точке зрения в традиции формируется операциональный опыт, то есть апробированные и прошедшие испытание временем образцы социальной жизнедеятельности, служащие основой интегративного потенциала, благодаря которому возможно достичь общественной стабилизации. По мнению автора, «задача состоит в том, чтобы прочесть прошлое Отечества как нормативное», впоследствии «в рамках этой нормативности поискать те самые ресурсы и возможности, пути и методы для ... сбережения русской цивилизации» [8, с. 6]. Именно традиция предоставляет обществу практический алгоритм, необходимый для урегулирования социальных противоречий и стабильного общественного развития. Но что делать с этим алгоритмом традиции? Его буквальное повторение в современных условиях вряд ли возможно и едва ли окажется конструктивным.

Предлагаемая нами модель описания интегрирующей функции политической культуры исходит из того, что, имея в науках об обществе множество определений, культура как сфера (способ) жизнедеятельности чаще всего понимается в трех аспектах: 1) как некий тип рациональности, то есть ценностно-целевой обусловленности деятельности и способа отношения человека к миру; 2) как со-

вокупный опыт организации социальной жизни; 3) как определенная форма идентичности – тождественности (самоотношения) индивида с какой-либо группой, общностью. Именно эти три аспекта мы и будем рассматривать в качестве компонентов политической культуры, которые в нашей схеме также представляют собой еще и три уровня социально-политической интеграции.

Когнитивную составляющую политической культуры можно описать с помощью понятия «рациональность», которое характеризует порядок принятия решений, уменьшающих неопределенность и неоднозначность среды, а также индивидуальные и социальные представления о ценности и целесообразности субъективной активности. Обязательным условием рациональной политической деятельности, рационального отношения к политической жизни выступают специальные усилия сознания по анализу соразмерности позиции субъекта той реальной ситуации, в которой он находится. Политическая рациональность проявляется, таким образом, не только в наличии объединяющих целей и ценностей, но и в общем для людей чувстве гражданской ответственности, самоограничения, самоконтроля.

Вторым уровнем интеграции является уровень общезначимого социально-политического опыта. Он актуализируется в ситуациях, когда целевая и ценностная интеграции невозможны или недостаточно эффективны вследствие кризисов легитимности, разрушений институционального порядка в ходе реформ или модернизации. Операциональный опыт можно понимать как определенный набор устоявшихся, стандартизированных социально-политических ролей, образцов поведения, легитимированных практикой и служащих основой для выбора варианта реагирования в типичных политических ситуациях. Проходя через эти ситуации, гражданское сообщество как бы сообща «нащупывает» контуры будущих институциональных программ политического поведения, закрепляет в коллективном переживании и установках подсознания пределы возможного и допустимого. Проходя отбор на устойчивость и относительную массовидность воспроизведения, то есть на способность быть средством консолидации, полити-

ческий опыт постепенно трансформируется в традицию.

Определяя отношение к культурной традиции, следует учитывать, что она со временем совершенствуется, то есть «любая живая традиция не разрушается, она поглощает влияние других культур и переваривает их в себе» [7, с. 252]. Тем самым происходит перестройка прошлого опыта через его постоянную переинтерпретацию в деятельной и знаковой формах, осуществляется отбор новых элементов социокультурного опыта. В этом смысле возможность изменения традиции выступает условием ее постоянного воспроизводства и сохранения в социокультурных системах. Инновация, в том числе институциональная, только тогда приживается в социуме, когда вписывается в систему имеющихся значений социокультурного опыта, согласуется с имеющейся традицией не буквально, а в ее существенных моментах, допуская тем самым становление новой программы поведения и ее трансформацию в традицию.

Третий, глубинный уровень интеграции политической жизни является совокупным результатом длительного действия институционально-идеологических и традиционных форм организации операционального опыта политических субъектов, причем форм, так или иначе поддерживающих данную социокультурную систему, адекватных ей. К.Ф. Завершинский называет его «концептом легитимности», мы же обозначим его понятием «идентичность». В общей идентичности и проявляется тот самый «общий смысл», который объединяет участников политического процесса, независимо от их статусных и ролевых предпочтений.

Принадлежность субъекта к определенной политической культуре обнаруживается через различные формы демонстрации определенной идентичности, интегрирующей индивидов в то или иное политизированное сообщество. Такая идентичность формируется в итоге предварительного решения субъектом частных вопросов политической жизни: определения своего отношения к политическим институтам, идеологиям, ценностям, политическим лидерам и программам партий, формам и методам действия, политическим перспективам. Это отношение возникает и выра-

жается под воздействием механизмов косвенного влияния, технологий «мягкой силы», изменяющих не непосредственное поведение субъектов, а параметры среды, условия их существования, общие правила и процедуры деятельности. В итоге этого системного по масштабу и длительного по времени воздействия мы, по мнению М.В. Заковоротной, получаем идентичность как «то интегративное качество, которое отличает их от окружающей среды, длится на протяжении всего существования этих групп и влияет на каждый из элементов» [5, с. 55]. Идентификационный уровень интеграции дает нам не просто конгломерат сознаний и воли, а их векторно-ориентированное единство, общности, способные к согласованному социально-политическому действию.

Таким образом, при анализе процесса социально-политической интеграции целесообразно выделять три различных по своей природе, используемым механизмам и возможностям (глубине) воздействия уровня интеграции: рациональный (ценностно-целевой), прагматический (основанный на опыте и традиции) и идентификационный (косвенного политического воздействия через организацию внешней среды и ментальные коды). Соответственно система технологий социально-политической интеграции складывается из технологий непосредственного когнитивного и прагматического воздействия, а также из технологий опосредованного влияния через знаково-символическое маркирование и организацию пространства (окружающей социальной среды). В итоге их применения может быть достигнут тот уровень социальной консолидации, который позволяет политическим субъектам (организациям, элитам, лидерам), воздействуя на сформированные социальные общности, обеспечивать массовое политическое участие и проявлять себя в качестве факторов определенного политического влияния.

Однако для практического поворота дискурса социального исследования необходим переход с социально-философского уровня теоретического моделирования социальной целостности как таковой на уровень решения частнонаучных проблем общественно-научного знания: теории управления, социологии, политологии. Применительно к представленной социокультур-

ной модели политической интеграции такой переход облегчается тем, что она, с одной стороны, позволяет описать различные моменты действия конкретных субъектов – проективный, процедурный (селективный) и результативный (идентификационный). С другой стороны, поскольку цели и ценности характеризуют структуру поля акторов, а использование опыта связано с функционированием ее элементов, возникает возможность описать порядок как системную (целостную) организацию.

Важнейшей политической проблемой в современной России является формирование новой идентичности, консолидирующей население страны. С точки зрения предложенной нами модели социально-политической интеграции попытки различных политических сил создать новые типы идентичности вряд ли можно признать удачными. Сугубо идеологическая (мировоззренческая) идентичность новых консерваторов, либералов или социалистов при всех своих когнитивных достоинствах в условиях российской политической повседневности легко превращается в нетерпимость, догматизм, ведет к потере чувства реальности, закрывая путь к компромиссам и союзам. В этом смысле очевидно, что поиски объединяющей «русской» или «российской» идеи или идеологии, взятые сами по себе, без соотношения с социокультурной реальностью начала XXI в., не дадут ожидаемых результатов. Вызывающая к жизненному опыту и построенная на прагматических программных обещаниях или лидерской харизме, партийно-электоральная идентичность часто скатывается к популизму и демагогии. Она оказывается весьма недолговечной, фактически распадаясь за границами избирательных кампаний. Этноконфессиональная идентичность, незыблемость которой освящена традицией и скреплена общими ментальными кодами, утрачивает свой конструктивный потенциал в полиэтнической и поликонфессиональной среде, повышая риск фрагментации политического пространства и социальных конфликтов. Призывая к веротерпимости и взаимному уважению на рационально-вербальном уровне, этноконфессиональные доктрины, переведенные на язык практик повседневности и жизненных укладов, чаще продуцируют настороженно-враждебное отношение к иному, ограничивают межкультурную

коммуникацию, подчеркивают социокультурные различия.

Каждый из этих типов идентичности ограничен тем, что охватывает лишь один из уровней интеграции: рационально-проективный, прагматически-селективный или ментально-результативный. Это позволяет гарантировать относительно спокойное сосуществование этнокультурных сегментов в рамках многонациональных и многоконфессиональных сообществ, но оказывается недостаточным, как только речь заходит о формировании мотивации и целей модернизационного (нетрадиционного) поведения, мобилизации всего общества для решения инновационных задач национально-государственного масштаба.

Создание консолидирующей общество идентичности предполагает предварительное прояснение вопросов о том, в чем заключаются рационально-идеологические конструкты, согласующиеся с опытом и традициями большинства населения и не противоречащие доминирующим в обществе ментально-культурным типам, а также как именно связать и синхронизировать указанные уровни и механизмы социально-политической интеграции. По нашему мнению, основанием рационального уровня интегрирующей общество политической идентичности является идея гражданской ответственности, поскольку правовой статус гражданина является всеобщим для тех, кто отождествляет себя с членами российского, как впрочем, и любого современного общества. С этим статусом связан и определенный, общий для всех индивидов, живущих на территории единого государства, практически-политический опыт. Немаловажно, что смысловое содержание гражданской ответственности в его правовом выражении (комплекс прав и обязанностей) непосредственно согласуется с идеями безопасности, защищенности, жизненной предсказуемости и перспективы. В их широком истолковании обнаруживается неразрывная связь с экзистенциальным опытом каждого человека и общечеловеческими основами морали. Последнее является необходимым условием адаптации концептов гражданской ответственности к культурно-ментальной, в том числе профессиональной специфике общества.

Согласование действия различных уровней и механизмов социокультурной интегра-

ции в процессе формирования гражданской идентичности предполагает синхронизацию когнитивных процессов углубленного постижения смыслов гражданской ответственности с изменением политического поведения. От простого формального причисления себя к гражданской общности субъект подходит к добровольному и осознанному принятию на себя ответственности за соблюдение общих для всех правовых «правил игры», а затем и за решение общих проблем посредством различных форм гражданского участия. Зрелая гражданская идентичность «отражает восприятие, оценивание, классификацию индивидом самого себя в качестве агента, занимающего определенную позицию в социальном пространстве» [6, с. 146], что выражается в доверии или недоверии общественным институтам, муниципальной и центральной власти. Механизм институционализации опыта повседневных жизненных практик и согласования его с ценностно-целевой программой политической власти включает в себя последовательный переход от хабитусов к институциям, а затем через их селекцию и систематизацию к организационно оформленным и институционально функционирующим программам деятельности, в рамках которых конструируются жизненные стратегии индивидов, приспособленные к требованиям «большого общества». Наконец, завершающий этап процесса становления гражданской идентичности, когда институты формируют у индивидов традицию отнесения себя к гражданской общности, связан с переводом сложившихся институциональных форм и программ жизнедеятельности в повседневность, превращением их в образ жизни. Это требует трансформации установок на гражданское участие в гражданские инициативы, закрепления в поколениях опыта солидарного действия.

Особая роль на результативном уровне социально-политической интеграции принадлежит технологиям косвенного воздействия, в том числе невербальным практикам, средствам «символической политики», организующим социальное пространство особым образом, способствующим переходу сложившихся ориентаций и установок в план ментального кодирования поведения. При этом широко используется тактика внушения устойчивых смыслов, в том числе посредством инсцени-

рования визуальных эффектов: публичных гражданских ритуалов, театрализованных праздничных шествий, иных публичных церемоний, превращающихся в традицию [9, с. 62]. Чувство гражданской сопричастности пространству своего бытия формирует то или иное обозначение исторических и памятных мест, объектов, история которых связана, например, с городской мифологией, жизнью реальных или вымышленных персонажей. Размеченное подобным образом культурно-символическое пространство пробуждает у людей сознание общей гордости за принадлежность к нему, солидарной ответственности за его сохранение. Частью данной политики может стать конструирование и продвижение политическими акторами образов и имиджей людей, объектов, территорий, которые задают или меняют доминирующий способ интерпретации социальной реальности. Разумеется, имиджевая активность не может полностью заменить практику реального гражданского и политического действия, но она в ряде случаев может скорректировать его вектор, внося в него новый смысл. Лишь соединив рационально-проективные, прагматические и символические основания идентичности, мы можем получить достаточный по своей силе интегративный потенциал, способный действовать в макросоциальном масштабе.

Не менее значимым для современного российского общества является и комплекс проблем, связанных с социальным управлением: коррупция, бюрократизм и волокита, непрофессионализм чиновников, ведомственность. Однако все эти частные вопросы, а их частный характер выявляется сразу, как только мы переходим от производственного, корпоративного управления к социальному, должны, на наш взгляд, обсуждаться в контексте решения более общей и значимой проблемы – проблемы управляемости обществом. Именно потеря управляемости отдельными ситуациями, процессами, сферами социальной жизни провоцирует аномию, девиацию, ведет в конечном счете к энтропии социальной системы.

Если менеджмент находит корни управляемости в эффективности организационного развития, а социология – в результате работы всех институтов, социализирующих индивидов

и общности, то социально-философский подход ставит вопрос о совокупном системном итоге взаимодействия личностей, групп и институциональных организаций. Этот итог, с одной стороны, выражается в естественно сформировавшемся климате, атмосфере координации, сотрудничества, доверия, с другой – является результатом сознательных организационных усилий, результатом культурной политики всей культуросозидающей деятельности общества. Управляемость оказывается возможной именно в силу существования неких скрытых в глубинах культуры механизмов социальной интеграции. Как точно заметил Э.Х. Шейн, культура предполагает появление более общих парадигм или гештальтов (состояний), связывающих воедино различные элементы и лежащих на более глубоком уровне; она предполагает существование чего-то целого, образуемого обычаями, климатом организации, ценностями и моделями поведения [10, с. 26, 30]. Как видим, различные аспекты исследования управляемости общества подводят нас к необходимости дать ответ на вопрос о том, в какой мере традиции поведения людей будут отторгать или поддерживать институциональные воздействия.

Выделенный нами ранее инвариант структурно-функционального описания культуры в единстве проективного, селективного и результативного уровней интеграции соотносим с тремя аспектами проблемы управляемости – целеполаганием, достижением желаемых параметров, созданием социальной среды, восприимчивой к управленческим изменениям. Важно то, что эта соотнесенность не носит внешний, формальный характер, а является внутренней, органической. Определение управленческих целей и ценностей коренится не только в культурном контексте организации или общества в целом, но также в позитивном или негативном опыте субъектов, в поддержке или отторжении культурной традиции, солидарной атмосфере или отчужденности среды, характере и интенсивности идентификации с нею индивидуальных и коллективных субъектов. В свою очередь отбор и использование средств управленческого воздействия являются процессом как сознательной целевой и ценностной ориентации, так и стихийного использования условий среды, хаотического многообра-

зия практик повседневности, случайно сложившихся ситуаций. Здесь важна вся совокупность наработанных в обществе результатов, в том числе и маргинальных. Адекватное конкретному контексту пространства и времени управленческое действие всегда представляет собой нечто среднее между рациональным замыслом и проектом, с одной стороны, и логикой повседневной жизни – с другой. Наконец, реальный итог управленческой деятельности даже в случае ее наибольшего успеха соответствует первоначальной модели не абсолютно, а лишь по основным критериям, и включает в себя непредсказуемые последствия, к которым никто сознательно не стремился. Таким образом, управляемость как способность субъекта обеспечивать соответствие результата управленческой деятельности ее замыслу на основе последовательной и системной (сетевой) реализации избранной стратегии действия не может быть теоретически описана и оценена без учета ее культурного контекста, всех действующих в обществе формальных и неформальных регуляторов.

Социокультурный подход к политике и управлению позволяет рассмотреть управляемость не только как линейный процесс обеспечения соответствия цели, средств и результата, но и как характеристику нелинейного, ситуативного воздействия, возможности которого зависят не только от характера поддержки, но и от оснований сопротивления общества тем или иным осуществляемым преобразованиям. С этой точки зрения критерий управляемости не может быть ограничен простым формальным соответствием цели и результата. Результат управленческого воздействия должен вызывать к жизни определенные социокультурные последствия, формировать среду, поддерживающую внедряемый проект, сохраняющую новое социокультурное качество, запускающую механизмы социального саморегулирования, упрочивающие результаты управленческого воздействия, трансформирующие их в определенные автоматизмы поведения, в культурную традицию.

Аналогичная логика, как нам представляется, действует и при анализе стратегии и критериев завершенности российской модернизации. Сегодня большинство отечественных исследователей не ограничивается узко эко-

номической (инструментальной) или политико-правовой (институциональной) трактовкой результатов модернизации. Философское понимание социальных процессов предполагает, что их успешное протекание невозможно без достаточно зрелого, сформированного субъекта, движущих сил, непосредственного проводника изменений на макро- и микроуровнях. Представленная нами модель интегрирующих функций политической культуры позволяет описать субъект модернизации с позиций единства его ценностно-целевых ориентаций, операционально-технологических предпочтений, оснований консолидирующей идентичности. Социально значимые последствия субъектной деятельности представляют собой определенную социокультурную реальность: синтез традиций, доминирующих в обществе, с определенным образом жизни, типичным для повседневности. Таким образом, важнейшими характеристиками модернизационного проекта оказываются его функциональность, технологичность, а также соответствие социальным потребностям и ожиданиям, ориентация на решение актуальных социально-гуманитарных проблем. Органическая целостность стратегии модернизации находит свои основания не только в социальной онтологии и антропологии, но и в социальной прагматике, практиках повседневности. Целостность социально-философского мышления оказывается необходимым условием постижения и преобразования социальной жизни в ее многообразии и единстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков, Н. И. Между дуализмом и соборностью (Проблема и механизмы интеграции в современном обществе) / Н. И. Бирюков, В. М. Сергеев // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 4. – С. 61–74.
2. Бирюков, Н. И. Парламентская деятельность и политическая культура / Н. И. Бирюков, В. М. Сергеев // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 1. – С. 66–75.
3. Завершинский, К. Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии / К. Ф. Завершинский // *Полис*. – 2002. – № 3. – С. 19–30.
4. Завершинский, К. Ф. Концепт легитимности как дискурсивная основа анализа политической

культуры / К. Ф. Завершинский // Принципы и практика политических исследований. – М. : Изд-во РОС-СПЭН, 2002. – С. 312–336.

5. Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. – Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кавк. науч. Центра высш. шк., 1999. – 289 с.

6. Качанов, Ю. Л. Базовая метафора рефлексивного жизнеописания интеллигентов, предпринимателей и политиков: социальная идентичность и жизненные стратегии / Ю. Л. Качанов, Н. А. Шматко // Идентичность : хрестоматия. – М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2003. – С. 205–228.

7. Огородова, А. В. Традиция и инновация в современной культуре / А. В. Огородова // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Вып. 4. – С. 249–259.

8. Пивоваров, Ю. С. Русская политическая традиция и современность / Ю. С. Пивоваров. – М. : РАН ИНИОН, 2006. – 256 с.

9. Поцелуев, С. П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация / С. П. Поцелуев // ПОЛИС. – 1999. – № 5. – С. 62–72.

10. Шейн, Э. Х. Организационная культура и лидерство / Э. Х. Шейн. – СПб. : Питер, 2002. – 336 с.

SOCIAL AND POLITICAL INTEGRATION: PHILOSOPHY, CULTURE, TECHNOLOGY

A.L. Strizoye

The author substantiates the role of social and cultural approach as a mediating link in the process of transforming social and philosophical conceptions, social theories into social projects and technology. The article deals with the description of a multi-level model of culture which can be represented as a model of social integration and used for analyzing practical and political problems of modern Russian society.

Key words: social and cultural approach, culture, integration, society, social philosophy, methodology, rationality, social practices, identity, modernization.